

Russian studies: о терминах и не только

Ольга Большакова

Прошло уже более двадцати лет с тех пор как началось активное сотрудничество отечественных историков и зарубежных русистов. Тем не менее вопрос о том, как называть зарубежную науку о России, так и не решён окончательно. Наблюдается одновременное бытование терминов «русистика» и «россиеведение», причём второй вариант получил дополнительное подкрепление с возникновением таких учебных дисциплин, как россиеведение и регионоведение, что навеивает прямые ассоциации с американскими Russian studies. Ситуация осложняется тем, что слишком часто «русские исследования» в США (назовем их пока так) именуют «американской советологией». Однако Russian studies совершенно не исчерпываются советологией, которая составляла не самую большую (и точно не самую лучшую) часть этой дисциплины, занимавшейся комплексным изучением обширного региона, в который были включены СССР и страны Восточной Европы. Обращение к терминам позволяет внести некий элемент упорядоченности и отделить зёрна науки от плевел идеологии и пропаганды.

Вопрос о том, какой же русский эквивалент наиболее точно соответствует существу термина Russian studies, поначалу выглядит простым. Действительно, кажется, не так уж сложно выбрать из трёх имеющихся вариантов перевода: «русские исследования», «русистика» и «россиеведение». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что, помимо прямого значения, каждый из них обладает ещё и некоторыми коннотациями, и с течением времени ассоциативный ряд имеет тенденцию изменяться. Поэтому размышление об англоязычном термине и его русских соответствиях побуждает углубиться в историю и посмотреть, откуда взялись Russian studies, какой путь они прошли и чем стали сегодня.

Следует заметить, что для обозначения субдисциплин, занимавшихся изучением России, в англоязычных странах использовалось немало названий, каждое из которых очерчивало определённый круг исследовательских интересов и дисциплинарных предпочтений: Russian studies, Slavic studies, Soviet studies, Sovietology, Kremlinology. До войны в зарубежной науке превалировало название Slavic (брит. Slavonic) studies, Slavistics. Термин был заимствован из русского языка (славистика) и подразумевал в первую очередь славянскую филологию, и только во-вторых – историю и культуру, что отражало тогдашнее состояние науки. Мы найдём его в названии Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (American Association for the Advancement of Slavic Studies), которая ведёт своё происхождение с довоенного времени. Соответственно называется и выходящий при Ассоциации журнал (Slavic review).

В 1940–1950 гг. в рамках региональных исследований утверждается новое наименование – Russian/Soviet studies (выбор политического критерия при определении региона подчёркивался в наименовании Russian/Soviet/Slavic and East European studies). Уже тогда возник вопрос о том, что подразумевается под словом Russian, так как в английском языке разницы между русским и российским нет. И всё же определение «русский» было в то время преобладающим, что закрепилось в переводе названий Русского института в Колумбийском университете и Русского исследовательского центра в Гарварде, образованных в 1940-е гг. Поскольку в условиях наступившей холодной войны, на пике сталинского правления вопрос о восприятии новой дисциплины в СССР не

стоял, прерогатива перевода принадлежала эмигрантскому сообществу, для которого значение «русский» обладало безусловным приоритетом. Стоит заметить, что русские эмигранты, многие из которых являлись свидетелями и участниками важнейших исторических событий в России, не только предоставляли богатый исторический материал для исследований, неоценимый при отсутствии доступа к источникам в СССР. Историки-эмигранты М.М. Карпович, М.Т. Флоринский, Г.В. Вернадский и др. сыграли важнейшую роль в становлении «русских исследований» в США¹.

Отличие Russian studies от довоенной славистики было значительным. Как научная дисциплина, русские исследования являлись составной частью развёрнутой в США после Второй мировой войны широкомасштабной программы региональных исследований (area studies), экспериментальной и новаторской в методологическом отношении. В основе этой программы, которая включала в себя междисциплинарное изучение более 120 регионов мира, лежал цивилизационный подход с характерной для его сторонников убеждённостью в уникальности каждой страны. Считалось, что понять её можно только соединёнными усилиями социальных и гуманитарных наук.

Комплексным изучением России и Советского Союза занялись социологи, политологи, экономисты, историки, лингвисты, антропологи. В их задачу входил не только анализ политики СССР, но и фундаментальное исследование народа и его прошлого, экономики и социальной структуры, языка и литературы, властителей и идей. Призванные, по удачному выражению Д. Энгермана, «служить Марсу и Минерве» (национальной безопасности и науке), Russian studies должны были помочь взаимодействию с таким непростым союзником, как СССР². Реалии послевоенного мира и начало холодной войны внесли значительные коррективы в первоначальные замыслы, добавив в них серьёзный конфронтационный элемент.

Однако, как это ни парадоксально, первое время антикоммунизм отнюдь не доминировал в русских исследованиях. Преобладало стремление изучить и понять далёкую и для многих совершенно экзотическую страну, причём многочисленные спонсоры отдавали себе отчёт, что приблизительно 75% участников программ – даже не социологи, политологи или антропологи, а историки и филологи. В результате благодаря колоссальной финансовой помощи государства и неправительственных организаций (корпорации Карнеги, фондов Форда и Рокфеллера и др.) была построена мощная инфраструктура, включавшая в себя не только университетские центры по изучению СССР и стран Восточной Европы, но и библиотечные ресурсы, архивы, научные журналы. Широко понимаемый национальный интерес позволил преодолеть узость утилитарного подхода к «изучению врага» и создать новую область знания, оказавшуюся в интеллектуальном отношении на мировом уровне³.

Первые десять лет существования новой дисциплины были отмечены её бурным и неуклонным ростом. Она начала укореняться и в Европе, в особенности в ФРГ, где центры по исследованию СССР и Восточной Европы выполняли функцию форпоста в идеологическом противостоянии с ГДР⁴. В Великобритании заметный рост Russian studies начался гораздо позже и совпал со вторым рывком в развитии региональных исследований, толчком для которого послужил запуск первого советского спутника в 1957 г. Однако это была уже иная эпоха, когда региональные исследования начали испытывать серьёзные кризисные явления. С одной стороны, не удалось в полной мере реализовать междисциплинарный цивилизационный подход, который всё активнее вы-

¹ Болховитинов Н.Н. Русские учёные-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.

² Engerman D. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford, 2009. P. 1–3.

³ Ibid. P. 336–338.

⁴ См.: Kappeler A. Between science and politics: The German-language historiography of Russia during the 20th century // East and West. History and contemporary state of Eastern studies / Ed. by J. Malicki, L. Zasztowt. Warsaw, 2009. P. 46.

теснялся теорией модернизации, с другой – началась явная политизация дисциплины, что отразилось и в терминологии. Термин *Sovietology*, как отмечает Оксфордский словарь, впервые был употреблён в 1958 г., причём не в США, а в лондонском еженедельнике «Observer». Он далеко не сразу завоевал себе место под солнцем и долгое время воспринимался как «ужасный» неологизм⁵. Однако для русского языка он оказался очень удобен, поскольку, в отличие от эпитета «Russian», не подразумевал никаких разночтений.

В нашей стране термин «советология» вошёл в научный обиход в 1960-е гг., когда и государство, и общество с огромным вниманием начали следить за тем, что думает Запад об СССР. Естественно, что в условиях начавшейся идеологической войны этот термин приобрёл исключительно идеологизированное звучание, с уничижительными определениями. Советологию называли служанкой мирового империализма, которая занимается идеологическим обеспечением буржуазной пропаганды и информационным обслуживанием разведцентров. Созданный на пике холодной войны образ «буржуазной лже-науки» до сих пор присутствует в термине «советология», хотя и не в такой яркой форме.

Между тем западная советология отнюдь не сводилась к целенаправленной деятельности «буржуазных фальсификаторов». В 1970-е гг. она обрела «два лица»: социально-научное (ревизионистское) и идеологическое (антикоммунистическое). Квинт-эссенцией последнего выступали работы «кремлюологов», занимавшихся попытками понять и предугадать действия Кремля в условиях почти полного отсутствия информации. В западном научном сообществе кремлюлогия не пользовалась авторитетом, считалось, что её практикуют по большей части разведчики-аналитики. Большой вес в 1970-е гг. и позднее приобрела и такая дисциплина, как *Soviet and Communist studies*, занимавшаяся изучением компартий и коммунистических стран. В этот период популярными становятся программы подготовки специалистов в области практической политики, которых не перегружали знаниями русского языка, истории и культуры, так же как и поездками по обмену в СССР. Именно они заняли в конце 1980-х гг. и позднее видные посты в вашингтонской администрации⁶.

Таким образом, зарубежная советология 1970–1980-х гг. включала в себя множество субдисциплин и была тесно связана с идеологией и политикой. В этот период начинается выделение из неё истории советского общества, поставившей во главу угла использование архивов, доступ к которым (пусть и ограниченный) зарубежные историки начали получать благодаря системе научных обменов⁷. Отечественные специалисты улавливали эти нюансы, понимая, что западная советология не сводится к «провокациям» и «оголтелому антикоммунизму». И потому наряду с терминами «советология» и «буржуазная историография» всё чаще начинает употребляться термин «россиеведение», заключавший в себе, тем не менее, большой спектр негативных ассоциаций. Однако он позволял перейти от обличения к критике и признавать некоторые достижения «пресловутых антисоветчиков», особенно когда речь шла о дореволюционной истории, изучение которой активно развивалось в США и Великобритании. В семантике понятия «россиеведение» неизменно присутствовал «критический» компонент, лишь на короткое время ушедший в тень в годы перестройки. Была у этого термина ещё одна черта, которая приобрела особую актуальность в нашей стране сегодня, с введением россиеведения в номенклатуру образовательных дисциплин. Это полное невнимание к дисциплинарным границам, подразумевавшее, что Россию и СССР изучают как отдельную, «особую» цивилизацию. В России сейчас, правда, делается акцент на

⁵ См.: *Малия М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93–109.

⁶ *Engerman D.* Op. cit. P. 337.

⁷ См., в частности: *Fitzpatrick Sh.* Politics as practice. Thoughts on a new Soviet political history // *Kritika*. 2004. Vol. 5. № 1. P. 27–54.

междисциплинарности, но трактуется она явно так же, как понимали её основатели Russian studies в 1940–1950-е гг.

Между тем на Западе лицо этой дисциплины после окончания холодной войны кардинально изменилось. Кремлинология, исследования коммунизма и другие идеологически ориентированные дисциплины довольно быстро исчезли с научного небосклона. Остались «советские исследования», встроенные в общую структуру Russian/Soviet studies, а собственно советология (Sovietology) переключилась на изучение «актуальных проблем современности» в регионе, включая транзитологию, конспирологию, проблемы энергоресурсов и др. Во многих случаях программы по подготовке специалистов пошли по самому простому пути, добавив в свои названия приставку «пост». То же самое произошло и с журналами («Проблемы посткоммунизма»). Сложнее оказалось с теми названиями, которые содержали в себе указание на регион (например, журнал Soviet Studies был переименован в Europe-Asia Studies). В условиях новых геополитических реалий, в стремлении дистанцироваться от наследия холодной войны возникли новые устойчивые географические понятия, прежде всего Центрально-Восточная Европа и Евразия, что заставило пересмотреть представления о границах изучаемого региона. К настоящему времени большинство программ по подготовке специалистов в области Russian studies добавили в своё название слово «евразийские». С 1 июля 2010 г. и Американская ассоциация содействия славянским исследованиям по результатам общего голосования её членов стала называться Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies (ASEEES). Однако термин «Евразия» остаётся достаточно проблематичным, поскольку вызывает ассоциации с движением евразийства. Для американцев это не так уж и важно, но для нашей страны имеет немалое значение. И потому казанский журнал *Ab imperio*, аффилированный с ASEEES, определяет область своих географических интересов как «постсоветское пространство»⁸.

В то же время категория региона постепенно утрачивает своё значение как объект анализа, что отражается и на финансировании: в США уже в 1990-е гг. началась серьёзная реорганизация научных программ и грантовой поддержки. С одной стороны, наблюдается переход от регионального к тематическому подходу в качестве главного принципа финансирования. В отношении постсоветского пространства ведущими темами становятся этничность, национализм, миграции. С другой стороны, в новом тысячелетии в науку добавилось новое – глобальное – измерение, что побуждает специалистов по «бывшему советскому пространству» искать линии пересечения и взаимодействия между странами. Возникает, например, тенденция рассматривать историю послевоенного СССР в одном блоке со странами «народной демократии». Исследования организованы вокруг определённых тем: движение населения в годы Второй мировой войны и после неё, туризм, развитие культурных обменов и т.д.⁹ Таким образом, мы видим вроде бы возвращение к изначальной таксономической единице «Russian/Soviet and East European studies», но уже на новом уровне.

Изменилась и методология русистики, как всё чаще начали называть Russian studies после распада СССР. На смену социально-научным подходам пришла «культурная парадигма». История, которая всегда составляла самую значительную часть дисциплины Russian/Soviet studies, вбирает в себя методологию языкознания и литературоведения, этнологии и антропологии, гендерных и культурологических исследований.

⁸ *Kotkin St.* Mongol Commonwealth? Exchange and governance across the post-Mongol space // *Kritika*. 2007. Vol. 8. № 3. P. 487–532; *Hagen M. von.* Empires, borderlands and diasporas: Eurasia as anti-paradigm for the Post-Soviet era // *American historical review*. 2004. Vol. 109. № 2. P. 445–468.

⁹ См., например: *Warlands: Population resettlement and state reconstruction in the Soviet-East European Borderlands, 1945–50* / Ed. by P. Gatrell, N. Baron. Basingstoke, 2009; *Imagining the West in Eastern Europe and the Soviet Union* / Ed. by G. Peteri. Pittsburgh, 2010; *David-Fox M.* Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and western visitors to Soviet Union, 1921–1941. Oxford; N.Y., 2012.

При этом междисциплинарность реализуется в рамках индивидуального исследования, а не совместной работы коллектива учёных, как планировали когда-то основатели Russian studies. Таким образом, одна часть дисциплины – советология – ушла в прошлое, так что использование этого термина возможно только в историческом плане.

Как же перевести на русский язык название самой дисциплины, в которой ключевые позиции занимают сегодня история и филология? Вернемся к трём существующим русским эквивалентам термина Russian studies и рассмотрим их семантику наряду с возможным словоупотреблением. Калька «русские исследования», как мы видели, имеет право на существование, когда речь идет о соответствующем историческом периоде, например: «русские исследования в США начали бурно развиваться после окончания Второй мировой войны». Вместе с тем для жителя нашей многонациональной страны термин «русские исследования» непригоден прежде всего с формальной точки зрения (поскольку остаётся неясным, что имеется в виду в англоязычном оригинале: русское или российское).

Другой вариант перевода – «россиеведение» – кажется приемлемым (по аналогии, например, с «востоковедением») и получает в последнее время широкое распространение, но обозначает при этом отечественную, а не зарубежную науку. Новый учебный предмет – россиеведение – характеризуется как синтез гуманитарных и социальных наук, в котором история занимает центральное место¹⁰. Поставленная перед новой отраслью знания задача – комплексное изучение своей страны, равно как и предлагаемый цивилизационный междисциплинарный подход, не просто напоминают нам об американских региональных исследованиях, а прямо отсылают к ним. При такой постановке вопроса вариант «россиеведение» наиболее точно отражает сущность предмета Russian studies, но не сегодняшнего, а такого, каким он был 30–50 лет назад – в годы холодной войны. Остаётся только надеяться, что со временем этот термин наполнится новыми значениями, которые вытеснят из него конфронтационный компонент и намёки на российскую исключительность, а в методологическом плане – преобладание социальных наук над гуманитарными и политической истории – над прочей исследовательской проблематикой.

Вариант «русистика» пусть неявно, но всё же отсылает нас к славистике, подразумевая изучение русского языка, а не истории и других наук. Тем не менее «филологическое» прочтение этого понятия не является единственно возможным. В термине «русистика» проглядывает и аналогия с американистикой. Получается подобие симметрии: наша наука о них, их наука о нас. На рубеже тысячелетий наблюдалось явное движение от «старой советологии» к «новой русистике», свободной от идеологических предубеждений эпохи «холодной войны». Это нашло своё отражение, например, в названии известной трёхтомной антологии американской историографии России¹¹.

Таким образом, однозначного ответа вроде бы и нет. И здесь, думается, также могут помочь аналогии. В качестве иллюстрации возьмём славяноведение – дисциплину с большой традицией, давно и прочно взаимодействующую с мировой наукой. «Славяноведение» обозначает главным образом отечественную науку, а «славистика» – зарубежную, причём первая занимается комплексным изучением региона славянских стран, а вторая – преимущественно филологией, и лишь недавно включила в круг исследований культуру и историю. Если учесть, что в американской науке о России сегодня доминируют гуманитарные дисциплины – культурная и интеллектуальная история, филология, культурная и историческая антропология — аналогия представляется вполне уместной. Конечно, столь разные названия для отечественной и зарубежной науки о России – «россиеведение» и «русистика» – подчёркивают их различия, что не способствует их слиянию. Но может быть, такое слияние и не нужно?

¹⁰ См.: Шаповалов В. Ф. Россиеведение. Учебное пособие для вузов. М., 2001.

¹¹ Американская русистика. Вехи историографии последних лет. В 3 т. Самара, 1999–2001.